

для своих земляков рассказов», а отходники, «живавшие подолгу в столицах», имеют поистине «громадное влияние» на односельчан. Поэтому не случайно, что в таких селах, где прежде «боялись станового и исправника, как огня», уже к началу XX века столкновение с любым начальством «не наводит на сельчан никакого страха».

Наконец, отход повышал социальный статус женщин: «За отсутствием мужчин, в семье управляет старшая из женщин»; ранее «женщины не могли присутствовать на сходе, теперь же присутствие женщин из тех семей, где мужчины в отсутствии (на отхожих промыслах. - А.К.), сделалось обязательным» и т.д., не говоря уже о самостоятельном положении самой отхожей работницы, чей труд обеспечивал порой благосостояние целой крестьянской семьи.

С другой стороны, многие современники с негодованием писали, что именно через отход в селения центрально-черноземных губерний проникали такие негативные явления, как революционные и антирелигиозные идеи, инфекционные заболевания, особенно венерические, запойное пьянство и азартные игры, супружеская неверность и распад семей. Виновником подобного, по мнению, например, священника Корочанского у. Курской губ. (1915 г.), являлась «поднатершаяся в городах деревенская молодежь, привившая себе темные стороны городской жизни и внесшая их в деревню».

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА И СТАТЬЯ Н.Н.СТРАХОВА “РОКОВОЙ ВОПРОС”

А.А.РАДЧЕНКО

В жизни каждого человека бывает момент, который не только обусловлен прошлым, но и определяет будущее. Для творческого человека это время, когда он становится известным. Именно благодаря статье “Роковой вопрос”, которая вызвала бурную реакцию в российском обществе, становится известным наш земляк Н.Н.Страхов.

Страхов Николай Николаевич родился 16 октября 1828 г. в г. Белгороде. Его отец Николай Петрович был протоиереем и преподавателем словесности в Белгородской семинарии. Его мать Мария Ивановна Савченко. Дед по линии матери, как и отец, был протоиереем в Белгороде. После смерти мужа мать с двумя сыновьями переезжает к своему брату сначала в Каменец - Подольск, а затем в Кострому, куда его перевели на должность ректора семинарии. В 1840 г. Н.Н.Страхов поступает в Костромскую семинарию. Именно здесь получают развитие его патриотические взгляды, заложенные в семье. “С детства я был воспитан в чувствах, безграничного патриотизма, - напишет в дальнейшем он, - я рос вдали от столиц, и Россия всегда являлась мне страной, исполненной великих сил, окруженную несравненно славою, первой страной в мире, так что я в точном смысле слова благодарил Бога за то, что родился русским” (Цит. По: Никольский В.Б. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк. - СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1896. - С. 5).

В январе 1845 г. Н.Н.Страхов был зачислен вольнослушателем на юридический факультет Петербургского университета. В августе того же года он сдал вступительные экзамены на математическое отделение, но затем перевелся в Главный педагогический институт, по окончании которого занялся педагогической и научной деятельностью, завершившейся защитой диссертации. Но педагогическая работа не давала удовлетворения Н.Н.Страхову. Поэтому после первых литературных опытов он с радостью согласился на приглашение братьев Достоевских сотрудничать в их журнале “Время”.

Но вначале января 1863 г. вспыхнуло польское восстание. Поляки требовали не только независимости, но и восстановления Польского государства в территориальных пределах 1772 г., в которые включались бы земли, заселенные белорусами и украинцами. В российском обществе по-разному относились к восстанию поляков. В прокламациях “Великоросса” и народнической организации “Земля и воля” приветствовалось выступление поляков и даже (в одной из прокламаций) предлагалось русским офицерам и солдатам, находившимся в Польше, поднять оружие против царского правительства. Герцен, сочувствуя крестьянской демократической Польше, осуждал притязания поляков на земли, населенными великороссами и белорусами. Славянофильская позиция по польскому вопросу нашла свое отражение в газете “День” и, прежде всего, в статьях И.С.Аксакова и Ю.Ф.Самарина. Аксаков считал, что поляки сами должны решить свою судьбу, собравшись на сейм. Но он надеялся, что они добровольно пойдут на соединение с Россией. Позднее он поставил вопрос о том, как отнестись к Польше, либо как к чужой стране, либо признать ее независимость, предварительно подавив восстание. Что касается западных областей, населенными восточными славянами, то Аксаков, как и Герцен, признавал необоснованность польских притязаний на них и считал необходимым бороться против распространения там полонизма. Несколько иной была точка зрения “Московских ведомостей” и “Русского вестника”, редактор которых, М.Н.Катков рассматривал борьбу с польским восстанием, как борьбу двух народностей, в которой усту-

пить польскому патриотизму “значит подписать смертный приговор русскому народу” (См.: Катков М.Н. Собрание статей по польскому вопросу помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной летописи. Вып. I. - М.: Университетская типография, 1887. - С. 28-29).

И вот в апреле 1863 г. в четвертом номере журнала “Время” появляется статья Н.Н.Страхова “Роковой вопрос” за подписью “Русский”. Она не только взбудоражила российское общество, но и вызвала негодование как со стороны революционно-радикального лагеря, так и у приверженцев национально-самобытной ориентации России.

Почему же поднялся такой ажиотаж вокруг статьи Н.Н.Страхова? Дело в том, что Н.Н.Страхов первым в России попытался объяснить причины и характер восстания не с точки зрения русской общенности, а став на позиции польских повстанцев. Помимо общепринятой точки зрения на восстание, доказывающей, что поляки поднялись из-за идей космополитических, “т.е. для всякого улучшения своего быта и расширения своих прав”, или - “из-за идеи национальности, т.е. просто для освобождения себя из-под власти чужого народа”, Н.Н.Страхов выделял причину культурологического характера. Он писал: “Поляки возбуждены против нас также, как народ образованный против народа менее образованного, даже вовсе необразованного” (Русский роковой вопрос. Время. Современное обозрение. - 1863. - № 4. - С.153). По мнению Страхова, поляки считали себя представителями цивилизации, “и в своей вековой борьбе с нами видят прямо борьбу европейского духа с азиатским варварством” (Там же. - С.158). Отсюда Н.Н.Страхов делает вывод, что высокомерие и притязания поляков происходят от их европейской культуры, а неудовлетворенность их составляет для них глубокое несчастье. Русские же, по мнению автора статьи, должны доказать:

1) Или то, что мы не варвары, а народ полный сил цивилизации.

2) Или то, что цивилизация поляков есть цивилизация, носящая смерть в самом своем корне” (Там же).

Это трудно было доказать. Но в своей статье Н.Н.Страхов отмечает ряд факторов, говорящих в пользу России. Во-первых, Польше не удалось колонизировать западные русские области. Во-вторых, русские никогда не находились под нравственным влиянием Польши, а когда “вздумали подражать европейцам и перенимать их развитие, то пошли мимо поляков к голландцам и французам” (Там же. - С. 159). В третьих, в польской культуре не было никакой самобытности, при широкой распространенности заимствования у Западной Европы. Возможно, по этому Страхов считал: “В европейской цивилизации, в цивилизации заемной и внешней мы уступаем полякам; но мы желали бы верить, что в цивилизации народной, коренной, здоровой мы превосходили их или по крайней мере можем иметь притязание не уступать не им, ни всякому другому народу” (Там же. - С. 161). Отсюда автор утверждал, что с европейской точки зрения, где народы различаются по степени образованности, поляки выше русских. Но, если за каждым народом признается самобытность, своеобразие, то русский народ не только не ниже польского, а может быть и выше. Поэтому Польша не может иметь никакого права на русские области в том случае, если у русской земли есть своя судьба и важное назначение, а также, если они будут приобщены к великому развитию, в котором достигнут истинного блага.

Разрешение же рокового вопроса, сложившегося между Польшей и Россией, по мнению Страхова, возможно лишь в том случае, если русские обратятся с большей верою и надеждою к “народным началам”, а поляки откажутся “от гордости своею образованностью” (См.: Там же. - С. 162).

Таким образом, польское восстание в статье “Роковой вопрос” представлялось Н.Н.Страховым не как возмущение подданных против власти, не как борьба между народами, а как противоборство двух культур: европейской в лице Польши и русской.

Однако это в российском обществе так и не было понято. Статья Н.Н.Страхова была воспринята как оскорбление русской культуры и нации. В “Московских ведомостях” появляется статья за подписью “Петерсон”. В ней, в частности, говорилось: “Вся основана на ложных показаниях, а, следовательно, и выводы должны быть ложны. Разве не ложь сравнивать цивилизацию высшего класса Польши с цивилизацией русского народа вообще?” (Цит. по: Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. - М.: Худож. лит., 1990. - С. 449). Разумеется, редакция журнала “Время” не могла смириться с таким безапелляционным обвинением. В своем ответе “Московским ведомостям” она указывала, что в статье Н.Н.Страхова акцентируется внимание на то, что в своей европейской цивилизации поляки “носили смерть в самом своем корне”. Но эта цивилизация была не народная. У нас же есть народные начала, которые требуют саморазвития. Но мы, цивилизованные по-европейски русские, оторвались от почвы. “Как хотите, - подчеркивалось в ответе, - а мы отличаем патриотизм и, главное, русизм “Московских ведомостей” от высокого и искреннего патриотизма Москвы”. (Там же. - С. 450-453). Однако цензура не пропустила в печать эту реакцию журнала “Время”. Более того, по обвинению в полонизме журнал “Время” был закрыт.

Однако полемика вокруг статьи Н.Н.Страхова на этом не закончилась. В пятом номере “Русского вестника” М.Н.Катков продолжил критику статьи “Роковой вопрос”. Он обвинил автора статьи в том, что его размышления о почве есть отход и от реальности, и от народных начал. Далее Катков утверждал, что

польская цивилизация не является яблоком раздора между Европой и Россией, ибо Россия есть часть Европы. А противопоставление Запада России, по его мнению, не что иное, как космогония (См.: Катков М.Н. 1863 г. Собрание статей по польскому вопросу... - М.: Университетская типография, 1887. - С. 485-507). В своем личном письме к Страхову Катков высказался еще более резко: "Я не могу описать вам то негодование, которое возбуждено было этою статьею в Москве, тем более, что под статью, как нарочно, поставлено "Русский". (Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. 2. Изд. 3-е. - Киев: тип. И.И.Чоколова, 1897. - С. 110).

Не встретила понимания статья "Роковой вопрос" и у славянофилов. И.С.Аксаков в своем письме к Н.Н.Страхову от 6 июля 1863 г. писал: "Роковой вопрос", по недоразумению, нравился не только тем русским, которые стыдятся патриотизма и не понимают его, но и полякам и всяким врагам России" (Цит. по: Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. - М.: Худож. лит., 1990. - С. 458).

В своем ответе редактору "дня" (который не был опубликован) Н.Н.Страхов утверждал, что статья была продиктована исключительно патриотическим чувством и поэтому он не может отказаться ни от одной ее строки (См.: Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. 2. Изд. 3-е. - Киев: Тип. И.И.Чоколова, 1887. - С. 112). Касаясь взаимоотношений России и Польши, он следующим образом пояснял И.С.Аксакову свою точку зрения. "Наша многовековая борьба с поляками, - писал он, - есть не просто ряд войн; это борьба двух культур: одной медленно развивающейся и более крепкой, другой более ясной и блестящей, но более хрупкой" (Там же. - С. 115). "Польской культуре, - продолжал Н.Н.Страхов, - мы должны противопоставить развитие нашей культуры, которой глубокая сила сохранила и отстояла нашу самобытность и наше государственное могущество" (Там же).

Таким образом, статья Н.Н.Страхова "Роковой вопрос" не нашла понимания в российском обществе. Его культурологический подход к польскому восстанию не получил положительной оценки. Только сейчас, когда мы постепенно освобождаемся от ортодоксальных взглядов на отечественную историю начинаем понимать и Н.Н.Страхова, который не получил достойного признания в свое время. Вместе с тем, в статье просматривается некоторая туманность и недоговоренность, о чем сам упоминал Н.Н.Страхов. Нелепыми оказались и обвинения оппонентов Страхова в его патриотизме, ибо вся его жизнь полностью опровергла это утверждение. Вот, что писал по этому поводу биограф нашего земляка Никольский Б.В.: "Он был, конечно, глубоким патриотом; но его патриотизм не был предначертанием общественной деятельности..." (Никольский Б.В. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк. - СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1896. - С. 44).

РЕАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Ю.В.ЩЕДРИНА

В нашей литературе проблема реализации судебной реформы представлена весьма широко. Имеются исследования, посвященные как истории развития отдельных институтов, например, суда присяжных, так и всей судебной системы. Вместе с тем следует отметить, что проведение судебной реформы в отдельных губерниях, особенно на периферии, недостаточно изучено. Наша работа призвана заполнить определенный пробел в этой области. Объектом изучения является Курский окружной суд (включающий всю территорию Курской губернии за исключением Рыльского и Путивльского уездов) и мировой суд, действовавший на всей территории Курской губернии. Данная работа написана преимущественно на основе материалов Государственного архива Курской области. Нами были использованы фонды 1 (Канцелярия курского губернатора) и 32 (Курский окружной суд).

20 ноября 1864 г. Александр II подписал проекты судебных уставов. Вопрос о введении новых судов был подвергнут длительному обсуждению в Кабинете министров, затем в особой комиссии и Государственном совете. Только после этого император утвердил "Положение о введении в действие судебных уставов". Открытие новых судов планировалось производить постепенно, причем первые из них должны были быть открыты в Московском, Санкт-Петербургском и Харьковском судебных округах в течение 1866-1868 гг.

По уставам 20 ноября 1864 г. существовало две разновидности судов —мировые (мировые судьи и съезд мировых судей) и общие (окружные суды и судебные палаты). Ведомству мировых судей подлежали проступки, за которые в уставе о наказаниях определялось: выговоры, замечания и внушения; денежные взыскания не свыше трехсот рублей; арест не свыше трех месяцев; заключение в тюрьму не свыше одного года. Окружным судам были подсудны все дела, изъятые из юрисдикции мировых судей, за исключением государственных разбирательств, которые были отнесены к компетенции судебных палат.

Россия была разделена на судебные округа, во главе которых стояли судебные палаты. Территория Курской губернии вошла в состав Харьковского судебного округа, включавшего так же Орловскую,